

РЕЖИССЕРСКАЯ ИГРА С РИСУНКОМ

*Е. В. ТРИФОНОВА, научный сотрудник центра «Дошкольное детство»
им. А. В. Запорожца, г. Москва*

Одним из видов детской самостоятельной режиссерской игры является режиссерская игра с рисунком. Такой вид детских игр, как игра-рисование, мало знаком педагогам в силу своей специфики. В чем и заключена некоторая сложность, поскольку традиционно рисование выделяется в особый вид детской деятельности, никак не связанный с игрой, или же «связанный» через дидактические игры, игровые приемы на занятиях по обучению детей изобразительной деятельности или «игровые цели» (нарисовать что-то, чтобы затем этим поиграть). Не более.

Однако детское рисование имеет очень неоднородное внутреннее содержание. Собственно изобразительная деятельность со свойственными только ей законами передачи информации появляется относительно поздно. Генетически, с того момента как ребенок взял в руки карандаш, изобразительной деятельности предшествует игровой подход ребенка к рисунку, и чтобы это понять, необходим небольшой экскурс в историю формирования детского рисования.

Изначально, когда на первом-втором году жизни ребенок берет в руки карандаш и бумагу и начинает черкать на листе, то здесь он еще не рисует, а всего лишь осваивает новые орудия, отчего подобная деятельность исследователями детского рисования выделяется в особый «доизобразительный» период — ребенок еще не ставит перед собой цели изображения чего-либо. То есть по сути это просто ориентировочно-исследовательская деятельность. Однако по мотиву (ребенок ведь не ставит цели выяснения свойств предметов — ему просто нравится это делать) — это игра. Своеобразная игра-экспериментирование с карандашом (или любым другим пишущим предметом) и бумагой.

Затем, когда ребенок начинает узнавать в своих каракулях те или иные предметы или явления, его игра может приобрести иную форму: нарисовав каракулю, которая вызвала у ребенка ассоциацию с каким-либо предметом, ребенок бросает карандаш и начинает играть с получившимся рисунком как с игрушкой. Например, нарисовав нечто крестообразное, ребенок бегаёт, высоко поднимая лист, и гудит. Это, конечно, уже явная игра, но она не является еще режиссерской игрой с рисунком. Это пока обычная сюжетная (чаще — сюжетно-отобразительная) игра, где рисунок выступает просто в качестве одной из

обычных игрушек, практически не отличающейся от них по своему функциональному использованию.

Режиссерская игра с рисунком и собственно изобразительная деятельность в определенном смысле «ровесники» — они возникают (точнее, могут возникнуть, как и все в психике и деятельности ребенка, при наличии определенных условий и воздействий) в тот момент, когда ребенок становится способен сознательно изобразить что-то, исходя из поставленной цели.

Первые рисунки детей, как правило, не являются строго предметными; будучи предметными по форме, они имеют сюжетное содержание. Ребенок, нарисовавший человека, изображает не просто отвлеченного человека, а целый рассказ о нем. Постепенно и сам процесс рисования приобретает повествовательный характер: начав рисовать, ребенок к рисуемому образу присоединяет все новые детали, обогащая уже знакомую схему, включает в рисунок новые образы. Однако желание и потребность в рисовании того или иного образа, события или явления явно опережают графические умения и навыки ребенка, отчего дети дошкольного возраста в процессе рисования обычно много говорят, дополняя словами то, что не могут передать в рисунке.

Иногда рисование вовсе прекращается, и ребенок только рассказывает. Т. е. по сути эта деятельность — не рисование в строгом смысле этого слова, а игра. Режиссерская игра при помощи рисунка.

Наблюдать режиссерскую игру ребенка с рисунком, скорее всего, приходилось многим. Самый наглядный и знакомый пример: мальчик-дошкольник или младший школьник сидит над листом бумаги, никого не замечая и увлеченно озвучивая свои действия: «Бах! Бдж-ж-ж-ж... Та-та-та!.. Бу-бух!..» А на листе тем временем появляются траектории выстрелов, над танками вздымаются столпы огня, за хвостами самолетов тянется клубящийся дым... Возможно, не самый лучший сюжет, но сам факт игры ребенка с рисунком здесь совершенно очевиден. Такая игра может не «озвучиваться» ребенком вслух, может не быть наслоения изображений (как в вышеописанном случае), сам рисунок будет вполне красивый и ровный, но, тем не менее, игра будет присутствовать в нем. Чем она отличается от описанной чуть выше сюжетной игры с готовым рисунком? В случае режиссерской игры в роли своеобразных «игрушек» выступает не сам рисунок, а именно образы рисунка, созданные ребенком на листе. И так же как обычную режиссерскую игру ребенок может затеять со сколь угодно большим числом игрушек-персонажей (солдатиков, кукол, «семей» и

их членов в «многоквартирном доме» и т. п.), так и число образов-персонажей на листе может быть ограничено лишь фантазией ребенка (поскольку «неумещающихся» на листе персонажей он свободно домысливает и включает в сюжет игры «на равных» так же, как и воображаемые предметы в обычной игре).

В процессе овладения рисованием дети начинают выделять художественную деятельность как особый вид деятельности со своими законами передачи информации. Под влиянием обучения этот процесс происходит значительно быстрее. Однако некорректный процесс обучения рисованию подчас убивает творческую активность ребенка и режиссерскую игру с рисунком.

Дело в том, что режиссерская игра обращена в основном к содержанию рисунка (форма, т. е. «красивость» и правильность рисунка не столь значимы для нее), а рисование как изобразительная деятельность обращается именно к форме рисунка. Неучет этого факта и порождает конфликт между ребенком-творцом и оценивающим результаты его деятельности взрослым. Например, радостный ребенок с измалеванным листом бежит к маме или воспитателю, демонстрируя свое творение и спеша поделиться тем, что он сам придумал!.. И что же он слышит? «Ну, что же ты здесь все в одну кучу налепил, а здесь столько свободного места? А это у тебя что? Где же ты видел такие машины? И дерево у тебя плохо получилось. Мы же с тобой учились рисовать деревья. Надо аккуратно, чтобы было красиво. И дом у тебя не стоит, а где-то посреди листа болтается...» и т. п. После нескольких таких «отзывов» в сознании ребенка либо происходит конфликт между его пониманием «хорошего» рисунка и аналогичным пониманием взрослого, и тогда ребенок может просто перестать рисовать, убежденный, что не умеет этого; или же в его сознании, вслед за оценкой, происходит смещение акцента с содержания на форму, тогда ребенок, приведя свои умения в соответствие требованиям взрослого, в ожидании похвалы будет заполнять лист аккуратными, хорошо знакомыми и привычными схемами. И в итоге получается внешне красивый (или, по крайней мере, приемлемый) рисунок, но внутренне - пустой, не наполненный самым главным - мыслью ребенка. Именно с содержанием мчался ребенок к взрослому, чтобы поделиться радостью, а в ответ получил оценку формы. В процессе же совершенствования формы был убит не только сюжет — произошла смена мотива, и игра ушла из рисунка.

Вышесказанное не следует понимать как призыв к «не обучению» детей рисованию. Суть в том, что оценка спонтанных рисунков детей

и рисунков на занятиях должны проходить по разным основаниям, и формирование художественных умений ребенка, неся свою специфическую обучающую функцию, не должно идти в ущерб развитию режиссерской игры с рисунком, спонтанному самостоятельному рисованию ребенка. Во время занятий действительно важно обращать внимание на качество рисунка, и здесь необходимы объяснения, показы, отдельные исправления. Оценка же взрослым самостоятельных детских рисунков должна идти не по форме, а по содержанию рисунка. И от того, насколько гибкой и адекватной будет эта оценка, во многом зависит ее приоритетная направленность: на образец и знакомый способ действия или же на свободное, активное познание мира и его творческое преобразование.

Очевидно, оптимальной оказывается ситуация, когда ребенку доступны оба вида деятельности: рисование как режиссерская игра и как художественная (собственно изобразительная) деятельность. Необходимость владения средствами художественной передачи образа не вызывает сомнения, а умение в условиях поставленной (извне, взрослым, или же самим ребенком) игровой задачи развернуть режиссерскую игру с опорой на изображение свидетельствует о хорошем познавательном развитии ребенка, в то время как владение набором схем любой степени сложности без возможности развернуть с ними творческое действие говорит о репродуктивности мышления и деятельности.

Итак, режиссерская игра с рисунком является одной из существенных составляющих общего детского игрового опыта, и она не должна неосознанно или намеренно подавляться взрослыми в процессе обучения ребенка рисованию, поскольку в процессе самостоятельной режиссерской игры с рисунком происходит познавательное развитие того же уровня, что и в самостоятельной игре в целом. Слишком раннее превращение детского рисования в собственно изобразительную деятельность шаблонного типа с ее законами передачи информации (так же, как и ранее превращение игры в учебную деятельность) может привести к снижению развивающей функции рисования, к снижению творческого потенциала ребенка в целом.